

ПРОФЕССИЯ государственного значения

**Сводить её к сфере услуг — преступление
перед обществом и страной**

*«Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными,
а именно: искусство управлять и искусство воспитывать»*

Иммануил Кант

Вот так и рождаются традиции: одиннадцатый год специальный выпуск журнала «НО» посвящается августовским конференциям. А их начало восходит к сороковым годам XIX века, когда земские учителя стали проводить по своей инициативе профессиональные встречи. Обсуждали содержание программ и учебников, методы преподавания, гигиенические требования к школе. Никто не заставлял земское учительство тратить время и деньги (10–15 рублей — огромная по тем временам сумма!) из своего скромного жалования на проживание в городе и на книги. Такова была профессиональная и гражданская потребность наших предшественников. Доброе дело выдержало испытание временем, давно ведь известно: жизнеспособно лишь то, что растёт снизу — от земли...

Сверхзадача каждого выпуска журнала — способствовать осмыслению педагогическим сообществом актуальных профессиональных проблем, жизненных реалий, в которых работают сегодня школы России и их учителя.

В этом выпуске журнала есть ответы на такие вопросы: как внедрять новые образовательные стандарты и реализовать их метапредметный компонент, как помочь детям преодолеть утрату смыслов жизни, как воспитать нравственного человека в безнравственных обстоятельствах, как без нервоотрёпки повысить свою квалификационную категорию, а также — как организовать работу служб сопровождения учащихся, как создать атмосферу доверия в коллективе и многие другие.

К сожалению, мы не можем обойти молчанием и те острые проблемы, которые характеризуют сегодняшнюю жизнь школы и учителя. Щемящие письма из реальной деревни Гадюкино, ставшей неким обобщённым образом многих деревень, малых (да и больших) городов, побуждают к серьёзным размышлениям и, надеемся, побудят руководителей образования и властных структур, начиная с муниципальных, к конструктивным действиям. Почему люди, беззаветно преданные своему делу, детям, искренне любящие их, сегодня единодушны в грустном выводе: «Тошно работать...»? Однозначно на этот вопрос не ответить. Но думать об этом надо и надо что-то делать. Иначе утрата смысла захлестнёт не только многих подростков, но и многих их наставников...

Представьте себе, что мы едем по дороге, вымощенной огромными круглыми брёвнами перпендикулярно нашему движению. Машину нещадно трясёт, а надо ехать быстрее и быстрее...

Как говаривал сброшенный с корабля современности классик, «всякое сравнение хромает». Можно привести другое: в последние годы и до сегодняшнего дня образование живёт в условиях непрерывного «школотрясения». Модернизация, реструктуризация, реформирование, переход на новую систему оплаты труда, на новый порядок аттестации, на новые стандарты (без прочного опыта освоения прежних). Такое впечатление, что наши управленческие структуры наморщив лбы, только и думают: что бы ещё такое предложить, посягающее на время и силы учителя, отвлекающее его от главного дела? При всех этих недюжинных управленческих усилиях, похоже, никто вразумительно не поставил вопрос: улучшило ли это качество работы школы, качество образования школьников? Ответят ли на него организаторы модернизационных преобразований? Ведь ни по одному из них не подведены вразумительные итоги с широким информированием общества. Что дала, к примеру, реструктуризация сети образовательных учреждений, расположенных в сельской местности? Ну исчезли с лица земли 19700 сельских школ, — подскочил ли от этого показатель повышения качества образования сельских школьников? Что дало это новшество семьям, сельским поселениям, учителям, государству, наконец? Каков эффект от «оптимизационного новшества»? В какой-то мере на этот вопрос ответил полномочный представитель Президента РФ в Сибирском федеральном округе Виктор Толоконский на встрече с директорами школ Алтайского края, Новосибирской области и Республики Хакасии в ноябре прошлого года. Он считает, что школа на селе — главный жизнеобразующий фактор и он не видит «больших резервов и возможностей для оптимизации их сети». Органы управления образованием, по его мнению, делают «искусственный акцент» на этой проблеме и в итоге «негативных последствий больше, чем позитивных»¹. Так не привело ли это к ситуации подобной детскому стишку, герой которого «целковый продал за пятак...»?

Образовательное сообщество активно готовили к принятию основного правового акта, по которому нам жить, — Закона «Об образовании в Российской Федерации». Это бесспорно значимое событие, заслуживающее аплодисментов нашей многодумной Думе. Но аплодировать что-то не хочется. Ознакомление с текстом нового «продукта» отечественной законотворческой мысли, должного чётко регламентировать деятельность образовательных учреждений страны, скажу откровенно, поубавило оптимизма. Правовая эйфория сменилась недоумением. Оставляю за скобками смысловое, понятийное содержание статей нового Закона, определяющих то же через то же. Самое большое недоумение вызывает то, что новый Закон — это как бы полужакон, документ не прямого действия: 110 его статей нуждаются в подзаконных нормативных актах, которые только разрабатываются. Спрашивается: кто торопил авторов и наших депутатов предъявлять обществу этот юридический полуфабрикат? Если бы его можно было положить на полку и забыть о нём... Но ведь по нему жить 47 тысячам школ, полутора миллионам учителей, 40 миллионам учеников и ещё их родителям. И вместо упорядочения школьной жизни Закон становится очередным «круглым бревном» на пути «жёлтого школьного автобуса»...

Многие существующие положения, регламентирующие деятельность школы и учителя, утрачивают силу. Новые «порядки», в кои теперь переименованы бывшие положения, ещё не утверждены — о рабочем времени учителей, например. Но учителей уже «трясёт»: шутка ли — составить образовательную программу по предмету, начиная с 5-го и по 11-й класс!

Практика эта, конечно, ум упражняет, но готов ли к ней учитель? А главное, справится ли он со стрессом от столкновения свободы программ в законе с жёсткой регламентацией любой инновации с позиции «как бы чего не вышло»? Руководители, виртуозно избегающие проблем, встречались и раньше, а нынче административная трусость стала приметой времени: от Камчатки

¹ <http://Centaregion.ru/37221>

до Калининграда «инновации» — только разрешённые сверху, как правило, с министерским грифом... Таким инновациям сто лет в обед! Зато никаких рисков для руководства, все риски — на учителе.

И все эти риски с нагрузками навалились на учителей при реальном увеличении числа уроков для получения заработной ставки: вместо 18 часов, как это было «от веку», на 25% увеличивает нагрузку за те же деньги. А с новой системой оплаты труда, когда «деньги идут за учеником», о норме наполняемости классов в 20–25 человек можно уже забыть: сегодня в классе меньше 30–35 учеников нет.

Как ни крути, а новый Закон с 1 сентября ухудшит условия труда учителей, их материальное положение. Уже осторожно озвучена цифра: около 90 тысяч учителей школ намечено уволить. На оставшихся падёт гораздо большая нагрузка. Успели и термин придумать: «оптимизация штатного расписания». Лукавая эта оптимизация подразумевает одно — возможность сказать учителю: «Пошёл вон!..»

Сейчас трудно сказать, какие ещё сюрпризы сулит школам и учительству «дорожная карта» в области образования и науки. Но совершенно очевидно, что её задача — максимально интенсифицировать труд учителя и только за счёт этого повысить зарплату. Но можно ли достичь качества труда при нагрузке «не более 36 часов»? (Куда уж более?!) Порог профессионального выгорания учителя такая нагрузка намного снизит.

К слову сказать, настораживает само название документа: оно вызывает подозрение, что разрабатывалась «дорожная карта» в некотором соответствии с качеством российских дорог. А это означает, что жизнь образовательного сообщества превратится в сплошную дорожную тряску по рытвинам и ухабам. Или — по круглым брёвнам...

Вообще с некоторых пор в жизни образовательного сообщества происходят странные дела, как в Гоголевской Диканьке в ночь перед Рождеством: из перечня образовательных учреждений огромного мегаполиса ... «исчезают» школы. То есть школа как бы есть, но её как бы и нет... Происходит это, надо полагать, тоже в рамках «оптимизации»... В Москве к альфа-школе присоединяют соседнюю и ещё один-два детских садика. Располагаются эти объединённые члены нового школьного организма всего в двух-трёх — да нет, не шагах, а автобусно-троллейбусных остановках. Директору и учителям главенствующей школы и примкнувших к ней надо ведь как-то общаться (совещания при директоре и завуче, педсоветы, методобъединения). А как? Ради чего это делается — ради экономии средств? Но в примкнувших школах и детских садах остаются свои руководители (теперь как бы управленцы «второго плана») и их заместители. Иначе невозможно: не оставишь же здания, наполненные детьми, на произвол судьбы и на охранников. Так что экономия (если она вообще есть) копеечная, а неудобств и вреда делу и всем действующим лицам — не счесть сколько!.. (Опять «целковый меняем на пятак?..»)

Сама по себе идея эта, может, и неплоха. В образовательной практике столицы есть опыт прекрасной адаптивной школы, которая много лет назад объединилась с детским садом. Профессиональный «приварок» получили оба слившихся субъекта: ранняя диагностика отклонений в развитии детей и её своевременная коррекция, успешное решение пресловутой проблемы преемственности между школой и дошкольным образовательным учреждением, органичный переход малышей из детского сада в начальную школу, общие педсоветы и профессиональная учёба учителей и воспитателей, их адаптация друг к другу, — всё это существенные организационно-педагогические плюсы. Но подобное объединение надо готовить, возвращать «чувство взаимной любви», подготавливать коллективы к естественному, идущему «снизу» желанию объединиться,

а не по директивному указанию сверху. Иначе — беда: доброе дело оборачивается неразберихой, массовым недовольством (кстати, с обеих сторон), а в итоге — формализмом, разрушением гармоничного бытия всех трёх субъектов этого насильственного профессионального брака. Отнюдь не по любви. Зачем же искусственно разрушать то, что живёт, работает, даёт результат? Может быть, это инновация? И в её основе серьёзные научные эксперименты? Кто и где, интересно, их проводил? О таких исследованиях нам ничего не известно. Зато об исследовании, в котором была установлена оптимальная, с точки зрения управляемости и педагогической эффективности, наполняемость школы, мы хорошо знаем. Выводы этого исследования таковы: школа, в которой более 700 учащихся, не эффективна. Другими словами, делается всё это в каких угодно интересах, только не в интересах детей. Сколько ещё лет нам понадобится на то, чтобы образовательная политика была ориентирована на педагогические смыслы?

Диву даёшься: каких только «брёвен» нет сегодня на пути нашего огромного образовательного механизма...

В образовании (как, впрочем, и в стране) сложилась парадоксальная ситуация: при постоянном (до трескотни) употреблении слова «компетентность» в управленческой практике ею зачастую и не пахнет. Компетентного управленца (разного уровня) начинает усиленно заменять человек, именуемый сегодня менеджером (в народе его окрестили менеджером). Это не профессионал, но профессиональный начальник, которому всё равно, чем руководить — школой, баней или овощной базой; лишь бы руководить. Понимает ли апологет «менеджерского» управленческого подхода, простую вещь: чтобы чем-то управлять, надо это «что-то» хорошо знать. Сегодня это не требуется, похоже, ни на каком уровне. Очень сомнительный пример дал своим подчинённым и главный руководитель образовательной отрасли: на совещании в Ставрополе министр образования Дмитрий Ливанов с обезоруживающей откровенностью сказал: «Я себя специалистом в сфере высшего образования не считаю...» Очень опасное признание. Так ведь недолго и вывод сделать: судя по тому, что происходит не только в высшем образовании (из 43 федеральных вузов 30 в одночасье признаны неэффективными), но и в системе общего среднего, откровение главного отраслевого начальника можно бы и расширить...

Особенно удручающи «менеджерские» способности некоторых руководителей муниципальных управленческих структур: стоит занять начальственный кабинет новому главе администрации, как начинается в районе (в городе) кадровая чехарда. А если, не приведя Господь, директор школы поддержал на выборах не того кандидата, управленческая судьба его предрешена... Причём, делается это с каким-то иезуитским удовольствием — унизительно, хамски откровенно. Не хочется говорить о значении этических начал в деятельности управленцев для успешности нашего общего дела. Сильные и многоправные, ничем не стеснённые, они в конечном счёте вредят делу.

Абсурдность «менеджерского подхода» в образовании и педагогике, как шило в мешке, утаить невозможно. Талантливый директор сельской школы, отвечая на запрос муниципального органа управления образованием об участии в конференциях, конкурсах, семинарах, сообщила: «Участвовала в Католических педагогических чтениях в Сыктывкаре. Выступала с докладом о трудовом обучении старшекласников». Руководитель это «участка» муниципального управления, ознакомившись с информацией, отбросила её с гневной репликой: «У нас православная страна, а вы тут о чтениях каких-то католиков пишете!..»

Пришлось вежливо объяснять начальнице, кто такой Александр Александрович Католиков и почему в память об этом директоре школы — последователе великого социального реформатора А.С. Макаренко — проводятся в Республике Коми педагогические чтения.

Ладно бы, что новая управленческая поросль не знает, кто такой А.А. Католиков, она, к сожалению, не знает и о том, что кто не умеет управлять, тот все силы направляет на контроль, чаще всего бессмысленный. Об этом во всех учебниках по управлению написано... Наши «менеджеры», похоже, и их не читали.

В жизни российской школы и учительства есть проблема, острота и пагубность которой превосходит все мыслимые допуски: в стране десятки лет раздаётся глухой вселенский стон от бумажного цунами, захлестывающего школы. Из-за этого покидает пост завуча школы прекрасный учитель (доктор педагогических наук — «Бумаги задушили!»), стонет умнейший и опытнейший директор, лауреат премии Президента России («Думаю — не уйти ли на пенсию, невозможно стало работать...»).

В прошлом году со страниц журнала «НО» руководитель Департамента общего образования Минобрнауки РФ Е.Л. Низиенко рассказала, как федеральное ведомство намерено бороться с бумажной инквизицией: министерство совершенствует обратную связь со школами, выстраивает её так, чтобы школы давали исчерпывающую **основную** информацию. «Пытаемся выстроить единый мониторинг, чтобы не мучить школы запросами...»² В подтверждение этих слов Елены Леонидовны 12 сентября 2012 года Министерство образования и науки разослало регионам письмо № ДЛ-150/08 «О сокращении объёмов и видов отчётности, представляемой образовательными учреждениями». Документ, если вы помните, констатирует: «Основной объём запросов информации (60%) от общего потока документооборота общеобразовательных учреждений составляют: разовые запросы, часто дублирующие статистическую отчётность, на представление количественной информации (например, численность обучающихся и учителей в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях), дублирующие запросы информации в рамках федеральных мониторингов..., запросы, отчёты о проведении отдельных воспитательных, спортивных и других школьных мероприятий (например, акция «Внимание, дети!», «О профилактике наркомании» и другие; неправомерные запросы по реализации основных общеобразовательных программ, включая вопросы текущего промежуточного контроля и государственной итоговой аттестации...), дублирующие контрольно-надзорные функции (отчёты успеваемости учащихся за четверть или полугодие, планы воспитательной работы, отчёты о введении и использовании новых технологий в образовательном процессе...).

Вдумаемся в этот перечень, свидетельствующий, на мой взгляд, о вопиющей неумелости, о непонимании руководителей разного уровня, чем они руководят и что требуют от подчинённых. Во-первых, кто будет читать планы воспитательной работы и что это даст их читателю? Написать ведь можно, что угодно. Логичнее, если бы чиновников интересовал результат — анализ воспитательной работы, способы достижения цели, реализации планов. Но для этого надо, как минимум, приехать в школу, — гораздо проще послать формальный запрос. А что такое «дать информацию о введении и использовании новых технологий в образовательном процессе? Это же всё равно, что полдиссертации написать, это аналитическая работа на несколько учительских вечеров, если делать всерьёз. Ну дадут учителя школы информацию (человек 10–15) «о введении технологий» — это будет кем-то прочитано? Как-то использовано? С какой целью? Это же заведомо работа в корзину (по меткому выражению юмориста, это — «деловая туалетопись»). Кому это нужно?

В письме Минобрнауки отмечены **«тенденция ежегодного увеличения объёмов и видов представляемой образовательными учреждениями отчётности»**, а также высокая нагрузка учителя по представлению администрации общеобразовательного учреждения отчётной

² Народное образование, 2012. № 4. «Модернизация образования: проекты в интересах школы и учителя».

информации, касающейся широкого спектра вопросов...» Бумажная круговерть обладает свойством цепной реакции: от директора требуют отчётов, справок, он — от учителей. Особенно любопытна тематика бюрократического интереса, касающегося «широкого спектра вопросов». Вам не напоминает это ильфо-петровское учреждение, в котором висел огромный, мобилизующий сотрудников плакат: «Больше внимания разным вопросам!»?

Всё это «было бы смешно, когда бы не было так грустно...». Грустно от безысходности: министерское письмо о борьбе с бумажным «девятым валом» послано в регионы, как уже сказано, 12 сентября прошлого года. С тех пор прошло семь месяцев, и что в итоге? А... ничего! «Тенденция... увеличения объёмов и видов отчётности» как была, так и остаётся...

Что же происходит, господа? Куда ещё обращаться директорам школ и учителям за помощью — в Совбез? В ООН?

Рискну предложить другой способ решения проблемы. Поскольку вселенский учительский стон не слышен даже на муниципальном уровне, поскольку всё, что делается в образовании, происходит без участия образовательного сообщества, не провести ли свой эксперимент. На пленарном заседании региональных августовских конференций подготовить два-три выступления (незавизированных, конечно). В них вместо отчёта о количестве интерактивных досок, компьютеров и призёров олимпиад разного уровня проинформировать собравшихся:

- сколько запросов поступило директору школы за месяц, сообщить их темы (что очень важно — будут понятны управленческие информационные приоритеты). И место работы «запрашивателей»;
- обнародовать результаты исследования образовательных предпочтений одного ученика, программу его индивидуального образовательного маршрута с хронометрическим комментарием;
- сделать запрос руководителям региональной властной структуры (администрации, правительству), которые всегда присутствуют на августовском педсовете, а также руководителю органа управления образованием: что реально сулит учителям новая система оплаты труда, новый закон «Об образовании в РФ» в части определения рабочего времени, оплаты классным руководителям, обязанности которых имеют «тенденцию к неограниченному расширению»...

И так далее...

Директор одной из школ отреагировал на это предложение так: на второй же день меня не будет в школе». Думаю, он не преувеличивает! Случаев таких десятки. В глубоко порицаемые времена приехал бы журналист, провёл расследование и обнародовал бы «Историю в городе N». Достоинство директора удалось бы отстоять наверняка. Но не теперь! Нравственный климат не тот: у журналистов — свобода слова, у принимающих решения — свобода не слышать его, а то и попросту плевать на это слово...

После «великой капиталистической революции» учителей совершенно лишили голоса, участия в принятии стратегических решений. Образовательное сообщество смирилось с единым экзаменом, после которого приходят абитуриенты с высокими баллами и с 18 ошибками в простеньком диктанте. Смирилось образовательное сообщество и с тем, что сначала принимают стандарты высшего образования, а после стандарты общего, увязанные друг с другом в обратном порядке. Как была пагубная практика подгонки ученика под школу, школы под вуз, так она и остаётся... А по ходу провели «оптимизацию штатного расписания», по которому из школы исчезли психологи, социальные педагоги (это при разгуле подростковой наркомании, алкоголизма) — педагогов этого профиля просто выгнали с работы.

А ведь именно учителя за эту последнюю четверть века доказали своей деятельностью, что они — опора государственности.

В ушах звенит от призывов к модернизации России. Но ведь модернизация базируется только на одном — на развитии человеческого капитала. А его формирование, в первую очередь, зависит от школы, от учителя. Образование — база модернизации, её основа. Неужели кому-то это неясно?

Учителя России — один из тех социальных слоёв, который не предал профессию ради челночного благополучия, не променял свои просёлки на торговые большаки. Для учительства страны «духовная прибыль» (Платон) оказалась главнее материальной. Учителя России — сословие, устремлённое к идеалу — таков императив профессии. Со стоическим мужеством четверть века учителя преодолевают кризис ценностей и смысловых ориентиров — гораздо более жестокий и разрушительный, чем кризис экономический. И не вина учителя в том, что страна всё более втягивается в одичание, динамика которого совпадает с темпами роста доли сырьевого экспорта. И это неслучайно! На мировой рынок сырьё поставляют те страны, которые не умеют его перерабатывать. Мы — страна, не умеющая, точнее, разучившаяся производить конкурентоспособную продукцию. Об этом мы писали в «НО» № 7, 2012. Здесь же заострим внимание на том, что кризис смыслов и ценностей во многом связан с кризисом умелости. Возможно, дело в том, что умелость, умение тесно связаны с продукцией и её качеством... Когда в жизни детей нет продуктивных практик, нет восхождения к качеству продукта, смыслам и ценностям не на что опереться...

Воспитание — понятие многофакторное. Молодое поколение воспитывают не только семья, школа, учитель, но и сама жизнь, среда обитания. А она, эта среда, превратилась в некое медийно-минное поле для подростков. Откуда им, не окрепшим душой, знать, что тягучие, как болотная жижа, сериалы — это не искусство, а нечто, уже однажды переваренное. Сверстники сегодняшних мальчишек в своё время по пять-десять раз бегали смотреть «Чапаева», чтобы снова испытать восторг соприкосновения с героизмом в надежде, что раненный в руку комдив выплывет из Урал-реки, ставшей его могилой... А что почерпнут нынешние тинейджеры из новой версии жизни героя «Страсти по Чапаеву»: «Чапаев и водка», «Чапаев и бабы» — мощный «воспитательный потенциал» у этого гламурного комикса. Современные «переосмыслители» истории не пощадили даже маршала Победы Г.К. Жукова, представив его соотечественникам неким дамским угодником.

При таком агрессивном «воспитательном влиянии» среды немудрено, что реалиями нашей жизни стали пляски пьяной свадьбы толстосумов на исторической «Авроре», «панк-молебен» в Храме Христа-Спасителя, дискуссии о гей-парадах, об однополых браках и воспитании детей в таких «семьях».

В сумятице идей, в полнейшем идеологическом вакууме учителя сохранили трезвые головы, позицию государственников, поддерживающих нравственный камертон общества. Они преодолели даже такой порок государства и его политики, как отсутствие идеологии. **И доказали, что объединяющая их идеология — патриотизм, гражданственность, единство в любви к России.** Это незыблемые ценности, и передают их педагоги детям, как могут, в существующих условиях.

Псевдоценностям потребительского рая может активно противостоять только человек созидательного, производящего типа. Журнал «НО» одиннадцатый год проводит Международный конкурс школ-хозяйств имени А.С. Макаренко. Это отчаянная попытка учителей-энтузиастов вернуть в школу труд, создать детско-взрослые производства, приобщить учеников к настоящему

Профессия государственного значения

делу. Но это удаётся немногим. За 11 лет из 47 тысяч школ (а десять лет назад их было 67 тысяч) в конкурсе участвовало не более 200 школьных трудовых коллективов. Остальные школы «готовятся к жизни и труду», наблюдая, как наш трудовой народ в массе превратился в «офисных сидельцев» и «лотошных начальников». А о модернизации экономики идут только широковещательные разговоры. В реальной экономике — спад (недавняя статистика) и конкурентоспособного производства как не было, так и нет. Коррупция (а по-русски воровство, жульничество) цветёт всюду. Только прежде транспортные жулики воровали кошельки у граждан, а сегодня «служивые люди» высокого ранга «пилят» государственный бюджет, «отстёгивая» миллионы и миллиарды... Не помогают обыски даже в министерских кабинетах.

Как учителям в этой ситуации отвечать на вопросы детей об этих явлениях? Что говорить на уроках? Как призывать к честному труду? Ведь делать что-то надо!

Сегодня уже ясно — надо именно делать, а не говорить, призывать, агитировать, увещевать. Для этого, повторюсь, нужна инфраструктура делания — такая, как создал в своё время А.С. Макаренко. Нужны практики, формирующие у детей умелость и привычку создавать ценности, а не ловчить и воровать.

Учитель — профессия государственной значимости. Без учителя многие государственные программы не будут выполнены и всякая модернизация останется лишь декларацией. Интеллектуальная, трудовая подготовка молодого поколения, его воспитание — вопрос нашей национальной безопасности. И не будет прощения обществу, которое низвело профессию учителя к сфере услуг, подобно работе банно-прачечного треста. Это преступление перед народом и страной. Педагогика — сфера созидания человеческих душ, характеров, мировоззрения, а не исполнение заказов.

В Послании Федеральному собранию Президент РФ Владимир Путин, в частности, сказал: «Нужно вернуть школе безусловную ценность». Значит, глава государства понимает, что школа утратила безусловную ценность как общественный институт. Так поможем вернуть её, господин Президент!

Очень хочется, чтобы министр образования Дмитрий Ливанов понял великое предназначение учителя и школы, через которую проходит каждый человек в стране. Очень хочется надеяться, что министр услышит мнение учителя истории московской гимназии № 1543 Алексея Кузнецова: «Школа — не магазин, где объём продаж и прибыль — главные измерители успеха...» И отреагирует на него хотя бы изданием приказа, запрещающего позиционировать школу как сферу услуг.

Но будем оптимистами. Не станем терять надежду на то, что в конце концов общество одумается, отряхнёт с себя въевшийся налёт махрово-тупикового потребительства и вернёт в свою повседневность столь бездумно и опасно забытые традиционные общественные ценности — совесть, долг, патриотизм, ответственность, трудолюбие...

Нина Целищева